

УДК 316.442 : 316. 728 : 316.74 : 001

СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ НЕРАВЕНСТВА: ФЕНОМЕНАЛЬНОСТЬ, ПРОЯВЛЕНИЯ, ВЗАИМОВЛИЯНИЕ, ЗНАНИЕ О ВРЕМЕНИ

Голиков Александр Сергеевич – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

Дейнеко Александра Александровна – магистрантка кафедры социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

Статья посвящена исследованию социального времени как социально конструируемого и воспроизводимого феномена, а также его (транс)формациям в современности. Авторы, исходя из структурно-конструктивистских и феноменологических оснований трактовки социальности, анализируют роль социокультурных, исторических, технологических, экономических факторов в конструировании и воспроизводстве социального времени на разных уровнях социального бытия; формулируют вывод о социокультурной и экономической укоренённости социального времени, его актуализированности статусными и ресурсными характеристиками каждого конкретного агента.

Ключевые слова: социальное время, неравенства, экономический капитал.

Статтю присвячено дослідженню соціального часу як суспільно конструйованого та відтвореного феномену, а також його (транс)формаціям в сучасності. Автори, виходячи зі структурно-конструктивістських та феноменологічних засад розгляду соціальності, аналізують роль соціокультурних, історичних, технологічних, економічних чинників у конструюванні та відтворенні соціального часу на різних рівнях соціального буття; формулюють висновок про соціокультурну та економічну вкоріненість соціального часу, його актуалізованість статусними та ресурсними характеристиками кожного конкретного агента.

Ключові слова: соціальний час, нерівності, економічний капітал.

The article is devoted to the study of social time as a socially constructed and reproducible phenomenon, as well as its (trans)formations in contemporary world. The authors, basing on the structurally-constructivist and phenomenological approaches to the study of sociality, analyze the role of socio-cultural, historical, technological and economic factors in construction and reproduction of social time at different levels of social existence. Conclusion regarding the socio-cultural and economic embeddedness of social time, its actualization by status or resource characteristics of each individual agent is formulated.

Keywords: social time, inequalities, economic capital.

«Со-временность» самым своим номеном апеллирует к «привязанности ко времени». Острые дискуссии вокруг категоризации идентичности нынешней эпохи (современность, постсовременность, модерн, постмодерн, постпостмодерн, пост(недо)модерн и т.п.) вращаются вокруг понятийного ряда, вырастающего из древа временных категорий. Социальное время меняет модус своего существования, и этот процесс чувствуется как социальными, философскими, психологическими и т.п. науками, так и массовой культурой, экономикой.

Время становится «деньгами» (ресурсом, фактором дифференциации, частью социального бытия) не в том смысле, в котором раньше применялось это слово (метафорически, в смысле «денег» для тех избранных, кто действительно зарабатывает в секунду тысячи и миллионы), а в прямом. Свидетельством этого в науке может быть актуализация и распространение таких социологических теорий, как теория рационального выбора, теория обмена, неоинституционализм. Эти теории могут быть рассмотрены как признаки того, что социология постепенно экономизируется в рассмотрении индивидуального выбора / индивидуального времени / индивидуального мира, а, следовательно, что общество становится дискретным не только с точки зрения пространства (точка отделяет себя от пространства, индивид «выписывается» из общества, как из больницы – фукоистского образа социальной тотальности), но и с

точки зрения времени – время становится неравноценным¹, время становится «разорванным» (см. [9]), время становится не только объектом дифференцирования общества, но и субъектом оно.

Эти процессы сопровождаются изменением восприятия времени в массовой культуре (в частности, в визуальной культуре и кинематографе как её представителе): массовая культура обретает на микроуровне свойство, которое не было ей свойственно в условиях общества предыдущих исторических периодов (баумановского императивного Модерна, бодрийеровского Первого и Второго симулякра и т.п.) – из области императивного универсализирующего регулирования времени она трансформируется в способ репрезентации сценариев повседневности. Например, в последние годы все чаще можно встретить фильмы, которые «построены» вокруг тематики времени, ориентированы на переосмысление его восприятия. В них время выступает стержневой идеей: тут можно упомянуть и «Историю Бенджамина Баттона», в котором мужчина переживает жизнь «назад», родившись стариком, зная, сколько ему суждено прожить, и фильм «Время», который построен на реинтерпретации известного афоризма «Время – деньги», и в фильме «Сладкий ноябрь», в котором к осмыслению также предлагается онтологический ряд «время – жизнь – переоценка ценностей».

Это во многом объясняет появление и популяризацию современных тренинговых программ, посвященных тайм-менеджменту, основными лозунгами которых выступают: «Умей управлять временем!», «Ты владеец своего времени!», «Планируй свое время!» и т.п. (да и вообще популяризация понятия «тайм-менеджмент»). В этом контексте время все больше экономизируется, выхолащивается, и, следовательно, социально, экономически, прагматически оценивается. «Жадность» превращается в характеристику не только экономических факторов, что отражается в становлении индустрии оценивания времени: агенты становятся «жадными» относительно собственного времени, они индивидуализируют и конвейеризируют его (метафорой чего может послужить открытие не одного, а сразу нескольких «окон» в Интернет-мессенджере), обостряя социальное отчуждение. При этом, что парадоксально, времени, социально укоренённого (как времени, проведенного коллективно и в коллективе), сегодня становится все меньше.

Таким образом, целью нашей статьи будет анализ социокультурных контекстов и новых измерений феномена времени в условиях современного дискретизированного общества, а также анализ связи социального времени с системой социальной дифференциации (социально-статусными, стратификационными, ролевыми и т.п. измерениями).

Социальное время в социологии изучалось в рамках различных парадигм, для его концептуализации и операционализации использовались разные подходы. Так, один из классиков социологии, Э. Дюркгейм писал, что категория времени отображает ритмы деятельности социальной группы; то есть, что представление о времени – это представление о социальном времени, общем для данного сообщества людей (приводится по [8]). Его младший современник Джордж Г. Мид напоминал своим чрезмерно увлекшимся механицистскими концепциями (поздним позитивизмом дюркгеймианского образца и ранним структурным функционализмом парсонсоновского типа) коллегам, что общество возможно потому, что люди способны устанавливать общность временных перспектив. Предметы физического мира и животные находятся в том или ином отношении к окружающей среде. Но лишь человек при помощи символической коммуникации разделяет перспективы (отношения) других, принимает на себя их пространство и время (приводится по [8]). Уже в этих классических подходах, с нашей точки зрения, заключается один из ключей к современному феномену взаимного хроноотчуждения людей: в условиях информационного общества агенты не хотят «принимать» на себя чужое пространство и время (а, следовательно, разделять его с другими посредством совместного времяпрепровождения). Благодаря Интернет-пространству они создают свое собственное время в режиме-онлайн, которым можно управлять (замедлять, повторять, упорядочивать посредством социальных сетей, варьирования браузерными и закладками, ритмами и стилями общения), тем самым (добровольно, самостоятельно, произвольно) лишая себя режима «живого времени», «живого общения». В этом смысле можно говорить, что в основе современного социального отчуждения (и хроноотчуждения как его аспекта) лежит не только развитие информационных технологий и тотальная интернетизация, но и новые способы «проживания» и «прожигания» времени индивидуального, не разделенного с другими, времени эгоистичного. Вслед за нарастающей индивидуализацией ценностного сознания происходит индивидуализация времени, которое все чаще не хотят с кем-то делить.

¹ Время миллионера и время бомжа, время политика и время преподавателя несопоставимы по ценности «денежной» и эффективностной, это воплощается и в разных «расценках» времени, и в разном повседневном снаряжении для «экономии» и «проведения» этого времени – преподаватель доедет на работу на метро, а президент – на кортеже с мигалками, дабы сэкономить драгоценное время оно.

Согласно более поздним классикам в лице П. Сорокина и Р. Мертона, продолживших дискурс о времени в социологии на стороне Э. Дюркгейма (не концептуально, так мировоззренчески), социальное время есть выражение "изменения или движения одних социальных явлений по отношению к другим социальным явлениям, взятым в качестве точки отсчета" [9]. Вторит им и, в общем-то, не часто с ними совпадающий во взглядах Жорж Гурвич, который определяет социальное время через совпадение и рассогласование социальных явлений (которые для Гурвича могут быть глобальными, групповыми и микросоциальными), независимо от того, выражены они в социальной структуре, или нет. Именно поэтому, анализируя наработки данной линии в социологии, Т. Нестик приходит к выводу, что к социальному времени можно отнести не только объективную его составляющую, но и социальные представления о времени - общепринятые социальной группой представления о временных отношениях между культурно значимыми процессами и явлениями, закрепляемые и воспроизводимые культурными кодами в актах коммуникации [8]. Иначе говоря, двойное конструирование социальности в положениях П. Бурдьё в изучении социального времени обретает новые повороты и новые аспекты.

Именно поэтому (чисто современная) фраза «нет времени», которая одновременно выступает способом рационализации практик и ограждения собственного времени от социального времени, рассмотренная сквозь призму феноменологии А. Шюца, согласно которому переживание времени людьми имеет много общего, сближает жизненный мир, который они создают, соотнося себя друг с другом, обретает не только социально-психологический, тайм-менеджментский, политэкономический аспекты, но и аспект социологический. Именно «благодаря» существованию этой фразы можно говорить о стилизации способов «траты времени» представителями разных стратификационных групп (выделенных по разным основаниям – профессиональному, экономическому, образовательному, культурному, властному, статусному и т.д.). Так, время и особенности его распределения в повседневности во многом маркирует статусную и стратификационную принадлежность, а также воспроизводит ее. Именно эта гипотеза и легла в основу нашего исследования.

Эта гипотеза актуализирована и расширением объёма, внутренней гетерогенности и глубины структурирования свободного времени в современном обществе: социологические и статистические данные демонстрируют рост количества свободного времени, приведший к становлению целой индустрии досуга. Продолжая мысль М. Яцино [12] относительно того, что любая свобода ведет к свободе потребления, отметим, что свободное время моментально экспансируется «временем потребительским». Поэтому в современности ставится под вопрос тезис Т. Нестик о том, что «время жизненного мира строится на пересечении времени человека с биологическим и социальным временем. Каждому доступно переживание времени как "мирового" и "принуждающего". Повседневно соотнося себя с другими, осознаешь "мировое" время как длительность, превосходящую "мое" время: я умру, а мир будет существовать. Кроме того, человек сталкивается с принуждающей силой времени через существование в биологических, социальных временных порядках и невозможностью их полного согласования. Мы вынуждены жить по принципу "сначала то, что нельзя отложить"» [8]. «Мировое» время, время тотальности, длительности и принуждения предстаёт перед нами не через досуг и свободное время – оно предстаёт перед социальным субъектом через ограничение. Е. Берковченко, описывая «революцию свободного времени», ставшую возможной в связи с резким увеличением его объема в большинстве развитых стран, показывает, что эта революция привела к тому, что значение свободного времени постоянно увеличивается, и этот фактор признается едва ли не основной ценностью собственно человеческого существования [2].

В связи с этим поставленный в начале нашей статьи вопрос об актуализации проблематики времени (в частности, повседневного времени, его стоимости и ценности) не кажется абстрактным, отстранённым от актуальной социальной практики и исследовательски маловажным. В качестве гипотетических ответов на этот вопрос может быть и влияние поздней современности (по Э. Гидденсу), и процесс перехода к постматериалистическим ценностям (в рамках которых «время как деньги» дезактуализируется), и появление новых состояний времени (к примеру, как «время-в-сети», которое уже выступает как «время-для-сети»), и становление новой, уникальной для предыдущих культурных контекстов культурная универсалия (которая вместе с пространством существует как материя, но обретает различные состояния, она начинает цениться в динамичном мире вечных трансформаций и трансгрессий).

С нашей точки зрения, в данном вопросе не всё так просто. Дело, скорее, в том, что социальное мышление, формы общественного сознания (в виде науки, литературы, искусства, кинематографа, мифологии, религии, повседневного знания и т.п.) отражают объективный процесс – процесс превращения времени в важную, осознаваемую ценность – причём ценность и экономическую, и экзистенциальную, и какую-то ещё, возможно. Именно этот процесс мы (в несколько марксовизированной логике, нужно признать) рассматриваем как приоритетный в структуре причин указанных выше процессов.

Что же касается новых состояний времени – это столь же нормальный процесс, как возникновение с «галактикой Гутенберга» «времени-в-книге»², и наша эпоха – не исключение. Общество оказывается перед вызовами «нового времени» и «новых времён»; точнее говоря, общество оказывается перед вызовами новых модусов и проявлений существования социального времени: ведь время остаётся тем же, а вот специфика его восприятия и «чувствования» социальным субъектом меняется точно так же, как меняется субъектность человека в «управлении» этим временем: современный человек стремится «оседлать», «приручить» время, в том числе посредством феномена времени-в-сети.

Безусловно, данная субъектность связана с социальной стратификацией как макрофеноменом и социальной позицией в данной стратификации как микрофеноменом. И тут мы можем (конечно же, в эскизном порядке) предложить ряд возможных (и необходимых) структурных элементов программы исследования данной связи.

Самоочевидной выглядит связь между наличием экономического капитала и восприятием времени: так, покупка автомобиля рассматривается не только как символическое маркирование своего статуса и престижного потребления, но и как способ «ускорения времени» (и жизни в целом): автомобиль как способ насыщения повседневности, ускорения отдельных ее сценариев (к примеру, дорог, перемещения, путешествий и т.д.), с чем полностью согласился бы З. Бауман [1].

Однако в современном обществе сугубо покупкой объективированного «чужого» времени роль экономического капитала в «круговороте» и «политэкономии» времени не исчерпывается. Он выступает способом покупки чужого времени и способом «освобождения» своего (причём со времён Маркса, зафиксировавшего эту фундаментальную особенность экономического капитала, он приобрёл всё более изощрённые и сложные формы: от нанимания няни для своего ребёнка до деятельности «литературных негров»). Сам по себе экономический капитал есть *воплощённое* чужое и своё время и, соответственно, способ покупки (через эквивалентный или нет обмен) *воплощённого* чужого времени (в виде товаров – что является самой сутью капитально организованной социальной системы). Иначе говоря, экономический капитал эквивалентизирует себя (в предельном случае) именно чужому времени, делая его временем обладателя данного капитала. Можно предполагать, что высшей властью экономического капитала является именно власть над временем. В частности, именно на это указывает высокая стоимость операций омоложения и пластической хирургии, например, а также активные научные изыскания в области бессмертия и продления жизни³.

Эта очевидная связь получает всё более множественные, изощрённые, латентные и непредсказуемые проявления в современности, например, в виде экспансии сферы услуг в современную повседневность: нанимая репетитора, агент «экономит» время, затраченное на самостоятельное изучение материала; инвестируя деньги в секретаря-референта, агент освобождает себя от «текучки» и т.д. Это повлекло за собой популяризацию профессий тайм-киллинга и «экономщиков времени» – секретарь, менеджер, ассистент, заместитель и т.д. Другим таким проявлением небезосновательно можно считать построение всё новых и новых особенностей профессиональной структуры, вмонтированных в специфику современного социального времени, что можно проследить на примере «новых» способов занятости: актуализация фриланса, активизация видов работы «по выработке» (сдельной, а не почасовой). Люди «выигрывают» больше времени, работая сдельно и во фрилансе.

В этом смысле рассуждения Т. Лукмана о том, что синхронизация деятельности людей – это не только установление отношения реальной или воображаемой одновременности между людьми, но и возникновение подобия тех мыслительных конструкций, в которых они осмысливают и оценивают время – социально объективированных, «готовых» временных категорий и систем отсчета времени, причём главными оказываются «биографические схемы» – формулы обязательного или возможного жизненного пути [8], получают новую объясняющую силу в интерпретации феноменов сплетен, анекдотов и житейских историй, переписки, литературы, политических речей и законов. Эти биографические схемы, согласно Т. Лукману, синхронизируют перспективы индивидов через включение их во временной горизонт, что, с нашей точки зрения, позволяет, в частности, интерпретировать процессы включения всё новых агентов в «политэкономии времени» в современном мире посредством изменения «шаблонов» биографических схем.

Общепринятой идеей в современной социологии считается мысль, что время и пространство сжимаются, конвергируют, превращаются в крайне компактный единый пространственно-временной

² Недаром всё же Г. Сковорода и К. Поппер полагали, что текст представляет собой совершенно иной мир по сравнению с миром объективным и субъективным

³ Характерным является и то, что для определения масштабов богатства обладателя крупнейшего состояния в мире Карлоса Слима обозреватель The Guardian прибегает к схожей метафоре, упоминая 400.000 мексиканцев (см. [7])

континуум (именно в этом контексте М. Маклюэн говорит о «глобальной деревне» [6]). Однако при этом данный процесс имеет не только социально-статусные, потребительские и социально-психологические аспекты (ряд из которых мы уже привели выше), но и ряд практически не анализируемых сегодня в социологии феноменов и процессов. Одним из примеров таковых может считаться рост популярности так называемых «mall»-ов – торговых центров, где сразу можно купить все, начиная от носков и заканчивая автомобилем. Параллельно со сжатием времени на поездки из одного магазина в другой «потребительское время» (время на покупки и шопинг) отвоевывает себе большее пространство (благодаря площади моллов и наличию огромного количества товаров). Таким образом, прослеживается связь между стилями жизни (в основе которых, в том числе, и стратификационное разнообразие) и особенностями распределения повседневного времени.

Торговые центры (точно так же, как гипермаркеты, Интернет-магазины, которые являются ещё более характерным примером расширения «потребительского времени») являются в этом смысле технологией трансформации «времени предпотребительского» (или времени, обеспечивающего потребление) во «время потребительское» (или время потребления). В этом смысле экономический капитал как общекультурное и социальное явление действует вполне в своей логике (накопления и монополизации, поскольку такие крупные формы торговли, как гипермаркеты и моллы, ничем иным, как формой монополизации, не являются), и одним из способов реализации этой логики становится расширение времени потребления. Что же касается Интернет-магазинов, то тут нужно предполагать, что Интернет-время обретает, в том числе, экономическое / коммерческое измерение и что наряду с удобством Интернет-магазинов (как запросом «снизу») существует и необходимость «использовать» Интернет-время пользователей (как запрос «сверху», со стороны экономических и прочих элит).

Предложенное нами разделение времени (в контексте политэкономии времени) на предпотребительское и собственно потребительское время подчеркивает именно стратификационный аспект: «бедные» больше тратят на предпотребление (добраться, купить, приготовить, убрать и т.п.), а «богатые» – на само потребление (вкусить, насладиться, использовать, обозначиться, побывать и т.д.). В этом контексте можно сравнить процедуры самостоятельного приготовления еды, с одной стороны, и использования системы питания для «экономии времени» – с другой.

Вышеупомянутые торговые центры, равно как и гипермаркеты, есть лишь проявление тенденции конвейеризации. Конвейер предстаёт тут способом экономии времени на типичности, воспроизводстве множественной повторяемости. Чаще всего в современном мире и еда, долгое время бывшая ритуалом важным и самостоятельным, превращается в «сопровождение» и «фон» для чего-то другого (дипломатических переговоров, светского приёма, раута, социального ритуала праздника, социальных практик памяти и т.п.). Пища и её потребление в условиях макдональдизации парадоксальным образом «очищается» от своего социального смысла, приобретает сугубо латурианский предметно-вещный смысл удовлетворения прямой нужды, а вследствие этого «очищения» она теряет большинство условностей и иносказаний / метафор, с ней связанных, поскольку эти условности заставляют тратить на неё время. Именно с этим новым социокультурным качеством ритуала питания мы связываем популяризацию сети «быстрого питания», стиля «еды-на-ходу».

Этот вывод можно с определёнными допущениями и условиями экстраполировать на большинство практик телесности и физичности / физиологичности: во имя «сокращения» времени ритуальности (предпотребления, по терминологии выше) в пользу потребления и прагматичности «очищаются» от социальной наполненности и другие практики телесности (физиологичности). Теряют иносказание и ритуальность медицинское обслуживание, сексуальная сфера⁴, физиологические отправления – достаточно сравнить, насколько закрытой, отдалённой, в том числе и локально, была эта сфера в предыдущие века (становление этой сферы и её закрытости достаточно детально описывал Н. Элиас [11]), и насколько локально близкой (а следовательно, темпорально достижимой) является эта сфера в современном мире.

Здесь необходимо помнить и о том, что время ложится в основу «расслоения» товаров, экономического потребления и т.п., что «наименее экономически обеспеченные» страты, в том числе, на потребление (точнее – около- и предпотребительские практики) вынуждены тратить время, которое более «обеспеченные» страты экономят для потребления⁵. В таком случае службы доставки Интернет-магазинов, помимо собственно политэкономического смысла, обретают ещё и второй смысл – как

⁴ Где, как в книге-прогнозе А. Азимова «Обнажённое солнце», ритуал ухаживания (предпотребление) практически отменён и прагматично заменён ритуалом (само)предложения – собственно (взаимо)потреблением.

⁵ Здесь достаточно сравнить время выбора товара на рынке и в гипермаркете; время покупки с поездкой на рынок или магазин, практикуемой наиболее бедными, в том числе и информационно, стратами общества, и похода в Интернет-магазин

своеобразный способ «увеличить» время наиболее богатых за счёт работников Интернет-магазина (о бесчеловечных и посекундно хронометрированных нормах работы которых, в особенности в западном мире, существуют множественные свидетельства). Но в целом данное измерение темы (соотнесение трансформации торговли и трансформации социального времени) почти сугубо меркантилистично (в теоретико-концептуальном смысле), поэтому тут будет господствовать единая логика анализа (анализ под углом практической выгоды).

Продолжением данного «меркантилистского» поворота темы (с параллельным углублением «прагматичного» в смысле практик и социокультурного анализа) мы считаем такой процесс, как появление новых гаджетов (айфоны, айподы, айпады, электронные книги), ориентированных как на актуализацию «времени-для-сети», так и на сжатие времени путем их многофункциональности, содержательности, насыщенности. Приобретение таких гаджетов свидетельствует об особенностях «экономии времени» и все большем его переводе в виртуальное пространство и при этом об имущественной, праксеологической, гносеологической (с точки зрения распределения знания и навыков использования конкретных вещей) дифференциации общества⁶.

Эти гаджеты самым своим существованием сильно меняют когнитивный стиль людей и интеллектуальную этику⁷. Социальные агенты начинают больше полагаться на гаджет и на доступ в Интернет с его помощью, что ещё больше превращает время и познание в структурированное не тенденциями, логикой, связанностью, а разнородными фактами, фактоидами, обрывочными сведениями, актуальными и не слишком новостями и «жареными» клочками информации. Разворачивая эту проблему в философском (и в чём-то мажорновском) ключе, можно добавить, что «гаджетизация» меняет не только способ мышления, но и подталкивает к его «экономии» (нежелание «забивать» голову эрудицией, делегирование права помнить маршрут GPS-навигатору, дат – гуглу, фактов – Википедии, логики – специальным экспертам), порожденной мажорновским превращением руки в орган с телефоном. Агент тем самым лишается собственной субъектности, уверенности, мироощущения и миросвободы без гаджетов и дивайсов. И нельзя ли рассматривать «аккумуляцию гаджетов» (часто во многом взаимозаменяемых, как нетбук и айпод, например) как компенсацию потери субъектности современной молодежи?

Кроме того, гаджеты трансформируют «время в реальности» во «время в сети» (концентрируя внимание и деятельность людей на сетевых аспектах, замыкая людей в твиттере, фейсбуке, вконтакте, блогах и т.п.), с одной стороны, сокращая время, необходимое для социального «нахождения» необходимого человека, до секунд, а с другой – покушаясь на время жизни в реальности и сокращая его, сокращая время общения с теми, кто находится рядом, время культурного потребления и физически активной жизни.

И, наконец, в свете нашей темы важно то, что гаджеты формируют у их обладателей соответствующие схемы восприятия не только своего, но и чужого времени. Социальные агенты теряют ряд качеств: так, они перестают быть хронологически пунктуальными (опоздание всегда «компенсируется» вечной и неликвидируемой возможностью перезвонить и отменить), перестают контролировать время (не считая это необходимым при наличии организера для контроля событий и блогов и записей в соцсетях для восстановления их в своей памяти), перестают планировать своё время⁸.

Продолжая латурианскую линию, укажем, что, кроме времени, сеть перебирает и предметную сторону повседневности, ее пространственное значение (на смену книги приходит электронная книга, на смену блокнота – айпод, на смену телефона – айфон). Сеть «вмонтировывается» в пространство актанта, становясь его новым темпоральным и пространственным измерением.

Хронологическая непунктуальность сопровождается и «фактической непунктуальностью», «присутственной непунктуальностью», когда сопричастие актантов в физическом пространстве не означает их сопричастие в едином социальном, интеллектуальном, психологическом пространстве (пространстве взаимного внимания). Студент, сёрфящий на лекции по интернету, или доктор наук, во время конференции углубившийся в свой айфон, деятельностно равны – они находятся по ту сторону социального отчуждения (и хроноотчуждения) через демонстративно «делегированное» уважение гаджету вместо человека (людей).

⁶ В этом смысле характерной является получившая распространение в последнее время шутка о том, что главным предназначением айпада является демонстрация способности этот айпад купить.

⁷ И тут уже не приходится удивляться попыткам интеллектуального жульничества со стороны студентов, коллег и т.п. – агенты перестают рассматривать гаджет как нечто чуждое и внешнее и полагают, что знание, добытое гаджетом, равноценно и равноцениво по сравнению со знанием, принадлежащим собственно голове агента

⁸ Поскольку оно всегда может быть переформатировано, причём не (с)только самим агентом, точнее, латурианским «актантом», но и таким же актантом (обладателем аналогичного гаджета) с «другой стороны виртуальности»

«Социология пунктуальности» в контексте данной темы является немаловажным сюжетом, однако в силу жанровой специфики мы можем предложить её лишь как эскиз и то лишь под углом социокультурной дифференциации. Можно, например, выдвинуть и аргументировать гипотезу, что, вопреки указанным выше тенденциям, атрибутом высоконасыщенного ансамбля капиталов парадоксально остаётся пунктуальность – причём не пунктуальность за счёт собственного затраченного времени (на ожидание, на прибытие заранее и т.п.), а пунктуальность «прямая», за счёт наличествующего в распоряжении пунктуального агента возможности делегировать необходимость разрабатывать график дня и расписание деятельности другому (подчинённому, секретарю и т.п.).

Безусловно, данная зависимость не является линейной (кроме того, можно вспомнить о поговорке о «высокой цене минуты биг босса»), она не является и абсолютно устойчивой на украинском социокультурном пространстве, но необходимо указать, что одна из повседневных концептуализаций связи социокультурной дифференциации и социального времени – это именно повседневный концепт пунктуальности.

Этот повседневный концепт, кстати, не единственный, и разработка концептуального ряда, которым рефлексивно или нерефлексивно пользуются агенты, является немаловажной задачей для социолога, исследующего (транс)формации времени в современности. Мы полагаем, что важнейшими из них могут считаться концепты длительности и хронологической дальности-близости (давно-недавно), концепты точности и пунктуальности (со всей гроздьё вариаций), концепты хронологии (от позавчера до послезавтра, от календарных дней до китайских календарей), концепты «маркеров времени» (праздники, большие события, субъективно памятные события, вехи в жизни и деятельности), концепты природы и физиологии (латурианские повседневные концепты молодости, юности, зимы, сезона, месячных и т.п.) концепты длительности, ориентированные в будущее (долго – коротко, ждать – не ждать). Однако такая разработка является лишь задачей будущих работ социологов в области (транс)формаций времени в современном обществе.

Подводя итоги сказанному выше, подчеркнём, что исследование (пускай и несколько эскизное, ad hoc) подтвердило ряд выдвинутых нами гипотез. Если И. Бутенко утверждала, что различия в жизни богатых и бедных «связаны не столько, очевидно, с собственно финансовой стороной их жизни, сколько с отношением, навыками, квалификацией при использовании свободного времени как такового» (цит. по [3]), то Р.А. Стеббинс ожидал, исходя из этого, что с нарастанием возможностей разнообразия и объёма досуга способности человека перестанут соответствовать этим возможностям, вследствие чего был настроен достаточно тревожно [10]. Мы не разделяем этой тревоги, наблюдая становление «индустрии времени». Безусловно, сама эта индустрия не согласовывается со многими морально-этическими аспектами, является продолжением всё той же логики капитализма⁹, вследствие которой время приобретает утилитарную и инструментальную ценность (несвойственность которой традиционному обществу аргументирована медиевистом А.Я. Гуревичем), однако это объективная логика становления «общества досуга» (по Жоффру Дюмазедье) и «общества спектакля» (по Г и Дебору). Досуг становится не меньшим производством, чем собственно производство (в особенности в контексте симулякризации материального производства), досуг размывает свои хронограницы с трудовым / производственным временем (и это вовсе не проникновение труда в досуг – это исчезновение его природы, растворение сущности). В этом смысле время (транс)формируется из времени-труда (времени чистого производства реальных ценностей) во время-товар (покупаемое и продаваемое время, симулируемое и арендуемое время, предоставляемое и инвестируемое время). Это иллюстрируется и трансформацией трудовой этики современного общества: «Целью трудящихся является уже не "справедливая" оплата труда, а максимальная плата за минимальное время» [4].

Именно поэтому, из-за интервенции логики капитала и рынка в хроноконтинуум, процессы, связанные с феноменом социального времени, обретают множественный и при этом социально укоренённый характер: если лидеры общества постоянно нуждаются во времени, стремятся уплотнить его (в том числе и покупкой чужого времени, арендой чужого времени, сокращением «реального» времени и увеличением «виртуального» времени), то время аутсайдеров постоянно девальвируется, становится избыточным (и тут же развивается индустрия «убийства времени» в виде компьютерных игр, социальных сетей и т.п.). Именно это избыточное социальное время, как указывают исследователи, «расходуется как псевдоциклическое время "спектакля", время зрелищ и разнообразных форм потребления, которые

⁹ Характеризуя эту логику, Н. Зарубина пишет, что «вопрос о том, как заработаны деньги, трансформировался в "за сколько времени" можно заработать определенные деньги. В социальном и культурном плане оказались обесценены формы деятельности, которые требуют длительных усилий, и денежная отдача от которых "отнесена" в будущее. Напротив, высокопривлекательными стали занятия, приносящие быструю прибыль» [4].

являются способом заполнить избыточное время, придать ему видимость содержательности... "Время спектакля" заполняется массовой, стандартной продукцией, созданной и потребляемой по принципу макдональдизации, то есть эффективности на единицу времени» [5]. Именно так социальность не только (транс)формирует представления о времени, но и – через таковые представления и их наполнение – практики агентов (теперь уже, как было доказано выше, актантов), именно таким образом социокультурная и социоструктурная дифференциация обретает новые, пока ещё не настолько явные, линии разломов и разграничений.

Литература:

1. Бауман З. Текущая современность / Зигмунт Бауман — Санкт-Петербург: Питер, 2008. — 240 с.
2. Берковченко Е.С. Досуг российских бедных: социологический анализ. Диссертация на соискание научной степени кандидата социологических наук по специальности 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы. – Новочеркасск, 2004. – 161 с.
3. Бутенко И.А. Качество свободного времени у богатых и бедных / Ирина Бутенко // Социологические исследования. – 1998. – № 7. – С.82-90.
4. Зарубина Н.Н. Влияние денег на социальное конструирование времени: динамика нелинейности / Наталья Зарубина. - [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://2008.isras.ru/files/File/Socis/2007-10/zarubina.pdf>.
5. Зарубина Н.Н. Развитие рынка и некоторые особенности социального конструирования времени в российской культуре // Общественные науки и современность. - 2009. - № 1. - С. 127-138.
6. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / Перевод И.О. Тюриной. — М.: Академический Проект: Фонд «Мир», 2005. — 496 с.
7. Монбиот Джордж Сверхбогачи наиболее разрушительны для благосостояния человечества. – [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://punkway.ru/index.php/2009-09-18-00-35-00/1837-2012-03-07-19-49-47>.
8. Нестик Т.А. Социальное конструирование времени // Социологические исследования. - № 8. - 2003. - с. 12-21.
9. Сорокин П., Мертон Р. Социальное время: Опыт методологии человеческого и функционального анализа // Социс. – 2004. – № 6. – Т. 2.– С. 112–119.
10. Стеббинс Р.А. Свободное время: к оптимальному стилю досуга [Электронный ресурс] / Режим доступа : http://www.odinvopros.ru/lib/stebbins_01.php?mode=1&id=0.
11. Элиас Норберт О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования [Текст] / Н. Элиас. - М.;СПб. : Университетская книга, 2001. - Т.1 : Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. - 2001. - 332 с.
12. Яцино М. Культура индивидуализма / Малгожата Яцино ; пер. с польск. А. В. Комаристова ; науч. ред. А. Е. Радеева ; гл. ред. О. В. Свинченко. - Харьков : Гуманитарный Центр, 2012. - 280 с. ; - Библиогр.: с. 273-279.